

Шкалы языковой витальности и их применимость к материалу конкретных языковых ситуаций

© 2022

Ольга Анатольевна Казакевич

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; kazakevich.olga@gmail.com

Елена Михайловна Будянская

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; budyanskaya.lena@gmail.com

Анастасия Павловна Евстигнеева

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; evstigap@gmail.com

Юрий Борисович Коряков

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; ybkoryakov@gmail.com

Дарья Дмитриевна Мордашова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; mordashova.d@yandex.ru

Софья Владимировна Покровская

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; sofie.v.pokrovskaya@gmail.com

Константин Константинович Поливанов

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; polivanov.studio@gmail.com

Евгения Алексеевна Ренковская

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; jennyrenk@gmail.com

Заира Маджидовна Халилова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; zaira.khalilova@gmail.com

Карина Олеговна Шейфер

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; kar.sheifer@gmail.com

Аннотация: Для миноритарных языков очень важной является характеристика жизнеспособности (или витальности), так как она позволяет оценить состояние и дальнейшие перспективы их функционирования. В статье рассматриваются существующие подходы к определению понятия витальности и сравниваются различные модели, предназначенные для ее измерения (шкалы витальности). В число рассмотренных моделей входят: шкала ЮНЕСКО (используется в Атласе языков, находящихся под угрозой исчезновения, содержит шесть уровней витальности), шкала М. Краусса (похожа на шкалу ЮНЕСКО, опирается на тройное базовое противопоставление: благополучные языки, языки под угрозой исчезновения и исчезнувшие языки), шкалы EGIDS (используется в ресурсе Ethnologue и содержит 11 уровней витальности, некоторые из которых имеют подуровни) и ELCat. Неоспоримыми достоинствами последней оказались многофакторный подход к оценке витальности, общая непротиворечивость устройства и прозрачность

подсчетов. Мы применили данную шкалу к материалу четырех миноритарных языков России: бежтинского (на примере собственно бежтинского диалекта), северноселькупского, эвенкийского и хакасского. Поскольку в разных локальных группах языковые ситуации могут различаться, было решено присваивать уровень витальности в соответствии с функционированием языка в том или ином населенном пункте (для языков с малым количеством носителей) или административном районе. Это позволяет определить уровень витальности языка в каждой отдельно взятой локальной группе и затем представить витальность языка в целом как набор уровней витальности отдельных локальных групп носителей (бывших носителей) этого языка. Практическое применение шкалы к конкретным языковым ситуациям высветило в ее устройстве ряд проблемных точек, для устранения которых мы предлагаем рабочие решения.

Ключевые слова: бежтинский язык, миноритарные языки, самодийские языки, селькупский язык, социолингвистика, тунгусо-маньчжурские языки, тюркские языки, хакасский язык, цезские языки, эвенкийский язык, языковая витальность.

Для цитирования: Казакевич О. А., Будянская Е. М., Евстигнеева А. П., Коряков Ю. Б., Мордашова Д. Д., Покровская С. В., Поливанов К. К., Ренковская Е. А., Халилова З. М., Шейфер К. О. Шкалы языковой витальности и их применимость к материалу конкретных языковых ситуаций. *Вопросы языкознания*, 2022, 4: 7–47.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.7-47

Language vitality scales and their applicability to specific language situations

Olga A. Kazakevich

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; kazakevich.olga@gmail.com

Elena M. Budyanskaya

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; budyanskaya.lena@gmail.com

Anastasia P. Evstigneeva

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; evstigap@gmail.com

Yuri B. Koryakov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; HSE University,
Moscow, Russia; ybkoryakov@gmail.com

Daria D. Mordashova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia; mordashova.d@yandex.ru

Sofie V. Pokrovskaya

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
sofie.v.pokrovskaya@gmail.com

Konstantin K. Polivanov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; polivanov.studio@gmail.com

Evgeniya A. Renkovskaya

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; jennyrenk@gmail.com

Zaira M. Khalilova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; zaira.khalilova@gmail.com

Karina O. Sheifer

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; kar.sheifer@gmail.com

Abstract: While working on the description and documentation of a minority language, the researcher faces the practical task of defining its vitality status. This article is devoted to our experience of solving this problem. At the beginning, we give a brief overview of the concept of vitality and various scales that exist for the classification of languages according to this parameter. Particular attention is paid to the ELCat scale, the use of which is shown on the example of Bezhta (the Bezhta proper dialect), Northern Selkup, Evenki and Khakas languages. We describe some controversial points in the ELCat methods and propose an adjustment for some of them in accordance with the specifics of the languages in question. For example, since the level of language vitality can be different in different communities, we estimate vitality level separately for each of them. In addition, a specification of the values of the parameters “intergenerational transmission of language” and “the ratio of the number of speakers and ethnic group” is introduced. In the final part of the article, we discuss general problems arising in determining the vitality level of languages associated with the sources of original data.

Keywords: Bezhta, Evenki, Khakas, language vitality, minority languages, Samoyedic, Selkup, sociolinguistics, Tungusic, Turkic, Tsezic.

For citation: Kazakevich O. A., Budyanskaya E. M., Evstigneeva A. P., Koryakov Yu. B., Mordashova D. D., Pokrovskaya S. V., Polivanov K. K., Renkovskaya E. A., Khalilova Z. M., Sheifer K. O. Language vitality scales and their applicability to specific language situations. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 4: 7–47.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.7-47

Введение

Для миноритарных языков очень важной является характеристика жизнеспособности (или витальности) языка, так как она позволяет оценить состояние и дальнейшие перспективы его функционирования. В конце XX в. стали предприниматься попытки ввести количественную оценку данного параметра [McConnell 1996], параллельно создавались различные шкалы измерения витальности.

Проблема адекватного представления витальности встала перед нашим коллективом в процессе работы над описанием языков на сайте «Малые языки России», который разрабатывается в настоящее время на базе Лаборатории исследования и сохранения малых языков ИЯз РАН [Поливанов и др. 2020; Polivanov et al. 2020]. На данный момент существует некоторое количество используемых шкал витальности (шкала Юнеско, шкала М. Краусса, EGIDS, ELCat и др.). При этом различные каталоги языков мира, в частности, такие крупные как Ethnologue, Glottolog, Атлас языков, находящихся под угрозой исчезновения, ЮНЕСКО и др. часто пользуются разными шкалами витальности, не вполне соотносящимися друг с другом. Перед нами встала задача проанализировать наиболее известные из имеющихся шкал и выбрать наиболее подходящую для наших целей, а затем применить выбранную шкалу к конкретным языкам. При этом мы старались учитывать, что сохранность языка в разных локальных сообществах носителей этого языка может сильно различаться, и это затрудняет присвоение языку одного «ярлыка» в рамках той или иной шкалы. В статье описываются результаты нашей работы по поиску оптимального с практической точки зрения представления витальности.

Параллельно мы столкнулись с необходимостью выработки терминологии на русском языке, поскольку почти все существующие шкалы витальности разработаны на английском.

Однословные английские термины в системе шкалы в большинстве случаев требуют перевода на русский словосочетаниями, а поскольку мы имеем дело с «ярлыками», то отдельной задачей для нас стал выбор максимально лаконичных формулировок.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 1 рассматриваются теоретические подходы к понятию витальности. В разделе 2 описаны основные предлагаемые шкалы и модели витальности и проанализированы их достоинства и недостатки. В разделе 3 мы представляем применение выбранной нами шкалы витальности (The Catalogue of Endangered Languages — ELCat) на примере четырех миноритарных языков России: бежтинского (собственно бежтинский диалект), северноселькупского, эвенкийского (на примере 21 населенного пункта с эвенкийским населением) и хакасского (на территории Республики Хакасии). Выбор языков обусловлен желанием исследовать возможные шкалы применительно к идиомам с различной функциональной мощностью: диалекту, малому языку (языку КМНС (коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации)), республиканскому языку и др. с разной численностью говорящих и различным статусом. Кроме того, по этим языкам у нас имеются социолингвистические полевые данные, что позволяет дать экспертную оценку их витальности и сопоставить эту оценку с полученными результатами подсчетов по выбранной шкале. В разделе 4 обсуждаются проблемы, возникшие в процессе приложения шкалы к реальному материалу. В Заключении подводятся итоги.

1. Понятие языковой витальности

В лингвистических работах, посвященных оценке витальности конкретных языков и способам ее измерения (см. [Krauss 1992; Edwards 1992; McConnel 1996; Lewis, Simons 2010; Moseley 2010; Campbell 2017] и др.), понятие языковой витальности не получает четкого определения. Кроме того, в публикациях отсутствует терминологическое единство и используется ряд близких терминов: «vitality», «viability», «endangerment», «sustainability» и некоторые другие. Когда витальность обсуждается авторами в контексте разработки шкал с различными уровнями уязвимости языка, в центре рассмотрения оказываются параметры, определяющие отнесение языка к тому или иному уровню.

Некоторое подобие определения приводится на сайте Летнего института лингвистики (Summer Institute of Linguistics, или SIL): «Языковая витальность определяется степенью, в которой язык используется в качестве средства коммуникации в различных социальных контекстах для конкретных целей. Важнейшим показателем витальности языка является его повседневное использование в семейно-бытовой сфере. Языком с высокой витальностью считается язык, широко используемый и в семейно-бытовой сфере, и за ее пределами, всеми поколениями и в разговорах на практически любые темы». Авторы также отмечают, что «изучение языковой витальности важно для определения вероятности того, что язык будет продолжать употребляться в обозримом будущем и что усилия, предпринимаемые для развития языка, с большой вероятностью будут стабильными»¹.

В «Словаре социолингвистических терминов» [Михальченко 2006] языковая витальность определяется как «способность языка к дальнейшему развитию, изменению или сохранению

¹ “Language vitality is demonstrated by the extent that the language is used as a means of communication in various social contexts for specific purposes. The most significant indicator of a language’s vitality is its daily use in the home. A language with high vitality would be one that is used extensively both inside and outside the home, by all generations, and for most, if not all, topics. For language development, the study of language vitality is important for determining the likelihood that a language will continue to be used into the foreseeable future and that efforts to develop the language are likely to be sustainable” (см. на сайте SIL: <https://www.sil.org/language-assessment/language-vitality>).

структурных и, главным образом, функциональных качеств», что, с нашей точки зрения, не вполне удачно². В этом определении на передний план выдвигаются структурные характеристики языка (например, морфологическая и/или синтаксическая редукция, см. [Dressler 1988: 184–188; Campbell 1994: 1962–1963]), изменение которых далеко не всегда свидетельствует о понижении уровня жизнеспособности: подобные изменения могут происходить и в языках, находящихся в весьма благополучной ситуации (ср. упрощение морфологических характеристик английского языка, которое не повлияло на его статус). В нашем понимании, при определении языковой витальности первоочередное внимание должно уделяться именно функциональным характеристикам: межпоколенческой передаче языка и тем сферам, в которых язык продолжает активно употребляться, поскольку внутренние структурные изменения не являются препятствием к продолжению его использования. Более того, для структурных характеристик жизнеспособности языка релевантны его функциональные свойства: так, в работе [Campbell 1994: 1960–1961] заключительные стадии языкового сдвига характеризуются разрушением языковой структуры, но оно, как правило, коррелирует с выходом языка из употребления (ср. теорию языковой смерти в работе [Sasse 1992]).

Кроме того, прогноз относительно «способности языка к дальнейшему развитию, изменению и сохранению (...) функциональных качеств» на основании оценки уровня витальности не всегда оправдывается. Об этом свидетельствует пример юкагирского языка [Вахтин, Головкин 2004: 127–128], который еще с середины XIX в. оценивался исследователями как исчезающий и прогнозы существования которого ограничивались несколькими десятилетиями. Очевидно, что эти прогнозы не подтвердились, поскольку носители языки юкагирской семьи используют язык до сих пор (хотя, безусловно, набор сфер его использования и количество носителей катастрофически сократились, см. [Оде 2016]).

В социологических и этнологических исследованиях последние полвека развивается теория витальности, изначально связанная с понятием **этноязыковой витальности** (или витальности этноязыковой группы), а затем расширенная до витальности любой социальной группы [Smith et al. 2017; Bourhis et al. 2019]. В этом подходе фокус внимания направлен на этноязыковую группу в контексте межгруппового взаимодействия и язык рассматривается как один из факторов, определяющих уровень витальности группы.

Структурный анализ витальности этноязыковой группы приводится в работе [Giles et al. 1977: 307–319]³. Авторы называют этноязыковую группу жизнеспособной, если в ситуацию межгруппового взаимодействия она позиционирует себя как самостоятельную и активную сущность⁴. Для оценки витальности группы используются три переменных: статус, демография, институциональная поддержка. В дальнейших исследованиях было показано, что более точные данные об этноязыковой витальности может давать субъективное представление этнической группы о своем положении и языке. По [Fitzgerald 2017], в отрыве от представлений группы невозможно корректно оценить ее жизнеспособность. Одной из попыток формализовать этот параметр является шкала субъективной витальности, впервые предложенная в [Bourhis et al. 1981] и далее разрабатываемая различными исследователями, см., например, [Allard, Landry 1986]. Самооценка жизнеспособности этноязыковой группы влияет на факторы объективной витальности [Giles 1979; Giles, Johnson 1981]. Снижение субъективной витальности влечет за собой угрозу объективной витальности, вне зависимости от того, что вызвало это снижение: реальные события, снижающие уровень витальности, или же ущерб престижу, наносимый внешней оценкой доминантной этноязыковой группы [Tajfel 1978; Bourhis et al. 1981: 147].

² В отечественной литературе используются также термины «жизнеспособность» и «сохранность» языка, см. [Вахтин, Головкин 2004: 125] и [Амелина, Акбаш 2016; Перехвальская 2016].

³ Позднее витальность этноязыковой группы авторы стали называть объективной этноязыковой витальностью [Bourhis et al. 1981].

⁴ “...that which makes a group likely to behave as a distinctive and active collective entity in intergroup situations” [Giles et al. 1977: 308].

Таким образом, понятие витальности развивалось практически параллельно и независимо в разных областях науки: с одной стороны, в лингвистике, с другой — в социологии (в частности, социальной психологии) и этнологии. В социологии вопрос изначально заключался в том, с помощью каких механизмов группа поддерживает свою целостность в контексте взаимодействия с другими группами. В лингвистике разговор о витальности возник из озабоченности по поводу исчезновения языков, а также из желания сформировать общую картину состояния языков мира, в первую очередь тех, которые могут находиться под угрозой исчезновения. В социологии развитие получила методология изучения витальности социальной группы и была предложена ее теоретическая модель, тогда как лингвистами разрабатывались практические инструменты измерения уровня витальности языков посредством шкал.

В нашей статье мы будем использовать термин «языковая витальность», поскольку основной фокус нашего исследования состоит именно в фиксации положения языка, а не в исчерпывающей характеристике группы в демографическом, социополитическом или ином отношении. Очевидно, что язык невозможно рассматривать в отрыве от группы: так, в [Вахтин, Головки 2004] в разделе под названием «Языковая жизнеспособность. Сохранение языка» определение жизнеспособности дается с отсылкой на работу [Giles et al. 1977] через понятие этноязыковой жизнеспособности, что является очередным свидетельством того, что два этих понятия исключительно близки. Однако объемлющая характеристика собственно этнической группы составляет отдельный и весьма обширный предмет для исследований и выходит за рамки настоящей работы.

Безусловно, набор факторов, влияющих на витальность языка, может быть существенно расширен. В [Roche 2017: 193] справедливо отмечается, что «витальность не является характеристикой языка или народа, который говорит на этом языке, а скорее описывает взаимосвязь между языком, его носителями и более широким лингвистическим, социальным и политическим контекстом»⁵. Однако принять во внимание все контекстные факторы в рамках этой статьи не представляется возможным, поэтому далее мы сосредоточимся лишь на тех из них, которые задействованы в шкалах витальности. К описанию последних мы и перейдем в следующем разделе.

2. Существующие шкалы и модели

2.1. Шкала ЮНЕСКО

Одним из наиболее известных примеров шкал витальности служит шкала ЮНЕСКО, которая используется в Атласе языков, находящихся под угрозой исчезновения [Brenzinger 2007; Moseley 2010].

В 2003 г. экспертной группой лингвистов по просьбе ЮНЕСКО были выработаны 9 критериев для оценки витальности языка [UNESCO 2003]: 1) передача языка от поколения к поколению; 2) общее число носителей языка; 3) доля носителей языка в общей численности населения; 4) области употребления языка; 5) использование языка в новых областях и СМИ; 6) наличие материалов для изучения языка и приобретения навыков грамотности; 7) государственная политика в отношении данного языка, включая его статус и использование; 8) отношение членов сообщества к родному языку; 9) вид и качество документации. При применении этих критериев к конкретным языкам используется шестибалльная

⁵ «Vitality is not a property of a language itself, nor of a population that speaks a language, but rather a description of the relationship between a language, its speakers, and its wider linguistic, social, and political context» [Roche 2017: 193].

шкала. На основе значений каждого параметра формируется таблица, которая помогает исследователю получить достоверную картину о жизнеспособности языка в данном сообществе (ср. опыт применения такой описательной модели к миноритарным языкам европейской части России в [Агранат 2018]). Только рассматривая все критерии в совокупности, можно составить общую картину состояния языка. Данные по этим критериям могут также помочь при разработке необходимых мер поддержки языка и программ ревитализации. Обзор публикаций о практическом применении этих критериев и некоторых предложений по их улучшению представлен в [UNESCO 2011].

Наиболее значимым фактором при оценке витальности является межпоколенческая передача языка (см. также [Austin 2008; Norris 2010]), именно она лежит в основе шкалы витальности, которая используется в Атласе ЮНЕСКО. Данная шкала насчитывает шесть уровней (degrees of endangerment), где 0 соответствует исчезнувшему языку, а 5 — благополучному. Для каждого уровня учитывается, представители каких поколений владеют языком и сохраняется ли передача языка от родителей к детям. Уровни витальности по шкале ЮНЕСКО приводятся в табл. 1.

Таблица 1

Шкала витальности ЮНЕСКО по фактору межпоколенческой передачи языка⁶

Уровень витальности	Межпоколенческая передача языка
safe (благополучный ⁷)	Языком владеют представители всех поколений; передача языка от родителей к детям сохраняется.
vulnerable (уязвимый)	Дети в большинстве своем владеют языком, однако его использование ограничено определенными сферами (например, семейно-бытовым общением).
definitely endangered (под угрозой исчезновения)	Передача языка детям прервана; взрослые говорят, но нет говорящих детей.
severely endangered (под существенной угрозой исчезновения)	Процесс языкового сдвига в сообществе стремительно набирает обороты: языком полноценно владеют лишь представители старшего поколения; поколение родителей может понимать язык, но не использует его в общении с детьми или между собой.
critically endangered (на пороге исчезновения)	Процесс языкового сдвига практически завершен: самыми молодыми носителями языка являются представители старшего поколения, которые используют язык достаточно редко и ограниченно.
extinct (исчезнувший)	Не осталось носителей языка.

2.2. Шкала М. Краусса

Шкала Майкла Краусса [Krauss 2007], во многом схожая со шкалой ЮНЕСКО, опирается на тройное базовое противопоставление: благополучные языки, языки под угрозой исчезновения и исчезнувшие языки. Далее языки, находящиеся под угрозой исчезновения, делятся на стабильные языки и языки, находящиеся «в состоянии упадка» (среди последних выделяют нестабильные, под угрозой исчезновения, под существенной угрозой

⁶ Таблица оформлена в соответствии с таблицей на сайте ЮНЕСКО: <http://www.unesco.org/languages-atlas/>.

⁷ На русском языке нет устоявшейся системы переводов этих англоязычных терминов. Здесь и далее в скобках мы приводим русские аналоги, которые считаем наиболее подходящими.

исчезновения, на пороге исчезновения)⁸. Благодаря этому разделению языки, попавшие в разряд благополучных по шкале ЮНЕСКО, разделяются на две группы в зависимости от того, насколько благоприятен прогноз относительно сохранения передачи языка детям в ближайшем будущем. Наиболее благоприятный прогноз касается «благополучных» по М. Крауссу языков (уровень a+), которые к 2100 г. все еще будут иметь большое количество носителей среди детей, усвоивших язык дома от родителей. Стабильные же языки (уровень a) находятся в более шатком положении: хотя межпоколенческая передача языка сохраняется, носителей языка в целом остается довольно мало (ср. языковую ситуацию многих языков Кавказа, распространенных в высокогорных аулах).

М. Краусс также закладывает возможность дальнейшего дробления уровней шкалы: например, уровень b+ означал бы, что среди носителей языка есть говорящие дети в возрасте от 5 до 15 лет, но передача языка от поколения к поколению при этом уже прервана; уровень b- означал бы, что уже не все представители поколения родителей владеют языком. Уровни витальности по шкале М. Краусса приводятся в табл. 2.

Таблица 2

Шкала витальности Майкла Краусса⁹

'safe' («благополучный»)		a+	На языке говорят представители всех поколений, включая детей; прогноз относительно сохранения передачи языка детям благоприятный.	
	stable (стабильный)	a	На языке говорят представители всех поколений, включая детей.	
endangered (под угрозой)	in decline (в состоянии упадка)	in stable; eroded (нестабильный)	a-	Часть детей говорит на языке; в некоторых населенных пунктах все дети говорят на языке.
		definitively endangered (под угрозой исчезновения)	b	Дети не говорят на языке; самыми молодыми носителями является поколение родителей и старше.
		severely endangered (под существенной угрозой исчезновения)	c	Самыми молодыми носителями является старшее поколение (бабушки, дедушки и старше).
		critically endangered (на пороге исчезновения)	d	Носителей осталось немного, среди представителей поколения прабабушек и прадедушек.
extinct (исчезнувший)		e	Не осталось носителей языка.	

2.3. Шкала EGIDS

В ресурсе Ethnologue (23-е издание) используется расширенная ступенчатая шкала межпоколенческой утраты языка (Expanded Graded Intergenerational Disruption Scale, или EGIDS, см. [Lewis, Simons 2010]). Она представляет собой расширенный вариант шкалы, разработанной Дж. Фишманом (Graded Intergenerational Disruption Scale, или GIDS; см. [Fishman 1991]).

⁸ Английские термины М. Краусса приведены ниже в табл. 2, авторское пунктуационное оформление сохранено (термин «safe» взят в кавычки).

⁹ Таблица оформлена в соответствии с [Krauss 2007: 1].

Данная шкала является попыткой объединить подходы Дж. Фишмана и ЮНЕСКО, предоставляя универсальную классификацию, которая могла бы быть применима к любому языку мира. Уровни витальности языка выделяются в данной шкале (см. табл. 3) сразу по двум параметрам: официальный статус и сферы использования языка (образование, торговля, СМИ и т. п.; уровни 0–5, соответствующие единому уровню safe в шкале ЮНЕСКО) и владение языком среди представителей разных поколений (т. е. то же, что отражено в шкале ЮНЕСКО; уровни 6a–10).

Таблица 3

Шкала витальности EGIDS¹⁰

Уровень	Статус	Описание
0	international (международный язык)	Язык широко используется в международной торговле, обмене знаниями и в международной политике.
1	national (государственный язык)	Язык используется в образовании, в производственной сфере, в СМИ, в административной и законодательной сферах.
2	provincial (региональный язык)	Язык используется в образовании, в производственной сфере, в СМИ и в региональных администрациях.
3	wider communication (язык межэтнического общения)	Язык используется на определенной территории в производственной сфере и СМИ как язык межэтнического общения, не имея при этом официального статуса.
4	educational (язык образования)	Интенсивно используемый стандартизованный язык с богатой литературой, устойчивость которого обеспечивается разветвленной системой институционально поддерживаемого образования.
5	developing (развивающийся)	Интенсивно используемый язык, имеющий стандартизованную форму, на основе которой существует литература, однако эта форма еще недостаточно широко распространена и неустойчива.
6a	vigorous (благополучный)	Носителями языка являются представители всех поколений, и языковая ситуация стабильна.
6b	threatened (под угрозой исчезновения)	Носителями языка являются представители всех поколений, но общая численность носителей сокращается.
7	shifting (развитие языкового сдвига)	Самыми молодыми носителями языка являются представители поколения родителей; передача языка детям прервана.
8a	moribund (обреченный на смерть)	Самыми молодыми активными носителями языка являются представители старшего поколения (бабушки, дедушки и старше).
8b	nearly extinct (на пороге исчезновения)	Самыми молодыми носителями языка являются представители старшего поколения (бабушки, дедушки и старше), которым редко представляется возможность использовать язык.
9	dormant (спящий)	Язык служит маркером национальной идентичности этнической группы, но не используется в общении, сохраняя исключительно символическое значение.
10	extinct (исчезнувший)	Язык не используется, и национальная идентичность этнической группы больше не ассоциирована с этим языком.

¹⁰ Таблица оформлена в соответствии с таблицей 1 на сайте Ethnologue: <https://www.ethnologue.com/about/language-status>.

С нашей точки зрения, эти две группы факторов едва ли стоит выстраивать в одну шкалу. Параметры уровней 0–5 могут по-разному сочетаться с параметрами остальных уровней.

Так, на всех стадиях языкового сдвига в сообществе (уровни 7–9) язык вполне может быть задействован в системе образования (уровень 4). Кроме того, обнаруживаются различные комбинации параметров, связанных с официальным статусом языка и уровнем его сохранности. Безусловно, в случае, когда язык не обладает официальным статусом, даже при наличии почти стопроцентного владения языком членами этнической группы он находится в угрожаемом положении. Подобную ситуацию можно наблюдать в гинухском языке, который не имеет в Республике Дагестан официального статуса, но при этом владения языком среди гинухцев приближается к 100 % (по Всероссийской переписи населения 2010 г. [ВПН-2010], величина этнической группы составляет 443 человека, число владеющих языком — 434, а по актуальным экспертным данным величина этнической группы составляет около 600 человек, число владеющих языком также примерно равно величине этнической группы, см. [Ризаханова 2006; Forger 2013]). Однако само наличие официального статуса не всегда однозначно позволяет судить о реальной сохранности языка. В качестве примера приведем языковую ситуацию в Хакасии, где хакасский язык является государственным языком республики, однако уровень владения языком составляет лишь 56,3 % от величины этнической группы (по ВПН-2010, величина этнической группы составляет 75 622 человека, из них 42 604 говорят на хакасском).

2.4. Шкала ELCat

На наш взгляд, пристального внимания заслуживает шкала каталога исчезающих языков (The Catalogue of Endangered Languages, или ELCat, см. [Campbell 2017; Lee, Van Way 2018]), которая является результатом совместного проекта Гавайского университета в Маунао и Университета Восточного Мичигана. Данная шкала была разработана на основе Индекса уязвимости языков (Language Endangerment Index, LEI), который вычисляется исходя из четырех параметров:

- межпоколенческая передача (intergenerational transmission),
- абсолютное число носителей (absolute number of speakers),
- динамика соотношения численности говорящих и величины этнической группы (speaker number trends),
- сферы использования (domains of use).

Уровень уязвимости языка (level of endangerment) в каталоге ELCat подсчитывается следующим образом. Вначале каждому из четырех параметров присваивается значение от 0 до 5 (табл. 4, с. 17), при этом значение первого параметра (межпоколенческая передача), как наиболее значимого, удваивается (максимальное значение по этому параметру равно 10). Затем значения всех параметров складываются (максимальное значение получившейся суммы составляет 25). Обращаем внимание на то, что значение 0 по любому из параметров свидетельствует о наиболее благоприятной языковой ситуации, тогда как значение 5 говорит о наиболее тревожной ситуации. Иными словами, чем выше получившееся значение, тем более уязвимым является язык.

Уровень витальности языка вычисляется как процентное отношение полученного значения к максимально возможному. Так, если язык А в сумме по четырем параметрам набрал 16, то его уровень витальности равен $16/25 = 0,64$ (64 %). Далее значение в процентах сопоставляется с принятой градацией уровней витальности (см. табл. 5). Соответственно, язык А находится под существенной угрозой исчезновения.

Таблица 4

Значения четырех параметров по шкале ELCat¹¹

Уровень витальности	Межпоколенческая передача языка	Абсолютное число говорящих	Динамика соотношения численности говорящих и величины этнической группы	Сферы использования
5 critically endangered (на пороге исчезновения)	Осталось несколько носителей старшего поколения.	1–9 носителей	Небольшой процент сообщества говорит на языке, число говорящих уменьшается очень быстро.	Язык используется в нескольких особых сферах, таких как обряды, песни, молитва, поговорки, или при определенных бытовых действиях.
4 severely endangered (под существенной угрозой исчезновения)	Многие из старшего поколения (бабушек / дедушек) говорят на языке, а молодые люди обычно не говорят.	10–99 носителей	Меньше половины сообщества говорит на языке, число говорящих уменьшается ускоренными темпами.	Язык используется в основном дома или в кругу семьи, и может быть не основным языком даже в этих сферах для многих членов сообщества.
3 endangered (под угрозой исчезновения)	Некоторые взрослые говорят на языке, но передачи языка не происходит, дети не говорят на языке.	100–999 носителей	Только около половины членов сообщества говорит на языке. Число говорящих неуклонно снижается, но не ускоренными темпами.	Язык используется главным образом в сфере семейно-бытового общения, но сохраняет статус основного языка в этой сфере для многих членов сообщества.
2 threatened (начало языкового сдвига)	Большинство взрослых владеют языком, но детям язык, как правило, не передается.	1000–9999 носителей	Большинство членов сообщества говорят на языке. Численность носителей постепенно сокращается.	Язык используется в некоторых неофициальных сферах наряду с другими языками и является основным языком в сфере семейно-бытового общения для многих членов сообщества.

¹¹ Таблица оформлена в соответствии с таблицей на сайте ELCat: https://www.endangeredlanguages.com/about_catalogue/.

Уровень витальности	Межпоколенческая передача языка	Абсолютное число говорящих	Динамика соотношения численности говорящих и величины этнической группы	Сферы использования
1 vulnerable (уязвимый)	Большинство взрослых и некоторые дети владеют языком.	10 000–99 999 носителей	Большинство членов сообщества или членов этнической группы говорят на языке. Численность носителей может сокращаться, однако довольно медленными темпами.	Язык используется в большинстве сфер, включая официальные, например, администрация, СМИ, образование и др.
0 safe (благополучный)	Языком владеют представители всех поколений, включая детей.	>100 000 носителей	Почти все члены сообщества или члены этнической группы говорят на языке, и численность говорящих стабильна или увеличивается.	Язык используется в большинстве сфер, включая официальные, например, администрация, СМИ, образование и др.

Таблица 5

Шкала витальности ELCat

Наименование статуса витальности	Уровень витальности в процентах
safe (благополучный)	0
vulnerable (уязвимый)	1–20
threatened (начало языкового сдвига)	21–40
endangered (под угрозой исчезновения)	41–60
severely endangered (под существенной угрозой исчезновения)	61–80
critically endangered (на пороге исчезновения)	81–100

Уровень витальности дополняется информацией о наличии данных для определения значения каждого из параметров. Эта информация тоже представлена числовым значением — степенью достоверности (level of certainty). Она вычисляется следующим образом: каждому из четырех параметров в случае наличия данных приписывается 5, а в случае отсутствия данных — 0. Значение первого параметра (межпоколенческая передача) удваивается и принимает значение либо 10, либо 0. Затем значения всех параметров складываются (максимальное значение получившейся суммы составляет 25).

Таким образом, каждый язык в каталоге получает сразу две характеристики: уровень витальности и степень достоверности данных, что является отличительной чертой данной шкалы и позволяет лучше понимать, насколько можно доверять представленным в ней данным.

2.5. Другие модели

На основе вышеперечисленных шкал (кроме шкалы Краусса) была разработана объединенная шкала уязвимости языков (Agglomerated Endangerment Status, или AES, см. [Hammarström et al. 2018]), которая используется ресурсом Glottolog (версия 3.1). Уровень витальности в этой шкале не вычисляется, а присваивается на основе существующих баз данных, поэтому в нашей статье мы не будем подробно на ней останавливаться.

Наконец, существует модель типологизации функционирования и определения витальности малых языков, предложенная Дж. Эдвардсом [Edwards 1992]. Данная модель является наиболее дробной из существующих и включает 33 параметра, учитывающих как «внутренние» характеристики конкретной языковой общности (например, численность и концентрация носителей языка, отношение к языку его носителей и др.), так и «внешние» характеристики среды, в которой существует эта общность (например, отношение большинства населения к меньшинству, состояние образования на территории группы и др.). Достоинства и недостатки этой модели обсуждаются в [Grenoble, Whaley 1998; Казакевич 2020], однако совершенно очевидно, что для цели индексации большого количества языков применение этой модели проблематично ввиду трудоемкости.

3. Практическое применение шкал к конкретным языковым ситуациям: предлагаемый подход

Попытка применения существующих шкал витальности к локальным вариантам конкретных языков позволила выявить общую проблему: присвоение одного «ярлыка» языку не всегда адекватно отражает его состояние в целом, поскольку разные локальные варианты языка могут иметь различный уровень витальности (ср. обсуждение подобной проблемы в [Kazakevich, Kibrik 2007; Krauss 2007; Казакевич 2020]). В существующих шкалах каждому языку присваивается только один ярлык, однако непонятно, на каком основании делается выбор. Теоретически можно было бы представить несколько вариантов: можно указывать наиболее высокий (как в Атласе ЮНЕСКО или в каталоге ELCat, см. [Hammarström et al. 2018: 366–367]) или, напротив, наиболее низкий уровень сохранности из существующих для данного языка, можно вычислять среднее значение по всем локальным вариантам (и тогда возникает вопрос, каким образом это сделать) или стоит действовать как-то иначе.

На данный момент нами принято следующее рабочее решение: вместо одного указывать все уровни витальности, полученные для разных локальных вариантов языка, так что результирующей характеристикой витальности языка в целом становится набор этих уровней. За локальную единицу, которой присваивается уровень витальности, берется один населенный пункт (например, поселок) в случае малого языка или административный район, в случае «крупного» (например, республиканского) языка. При этом в самой терминологии мы во многом опираемся на шкалу ELCat, добавив к ней уровень исчезнувшего языка. Используемый нами инвентарь значений витальности выглядит следующим образом: стабильный, уязвимый, начало языкового сдвига, под угрозой исчезновения, под существенной угрозой исчезновения, на пороге исчезновения, исчезнувший.

Применяя данный подход к нескольким миноритарным языкам, мы вычисляли уровень витальности по методике ELCat (см. раздел 2.4). Эта методика привлекла нас своей многофакторностью (учитывается не только межпоколенческая передача, но и сферы использования языка и соотношение числа говорящих и численности этнической группы) и прозрачностью подсчетов. Однако многие формулировки значений параметров ELCat оказались недостаточно конкретными, и для подсчетов мы сделали следующие допущения.

- 1) Параметр «межпоколенческая передача языка». Мы предлагаем краткую характеристику значений с упором на наличие передачи языка: 0 — сохраняется, 1 — сохраняется частично, 2 — сохраняется в отдельных семьях, 3 — прервана (дети не говорят), 4 — прервана (молодежь не говорит), 5 — прервана (среднее поколение не говорит). Подробнее об этом см. раздел 4.
- 2) Параметр «динамика соотношения численности говорящих и величины этнической группы». Поскольку разработчики шкалы не приводят конкретных числовых значений, соответствующих формулировкам «небольшой процент сообщества», «около половины членов сообщества» и т. п., мы исходим из следующего распределения значений этого параметра по процентам (см. табл. 6).

Таблица 6

Распределение значений параметра «динамика соотношения численности говорящих и величины этнической группы» по процентам

5	4	3	2	1	0
1–19 %	20–39 %	40–59 %	60–79 %	80–95 %	96–100 %

- 3) Параметр «сферы использования». Мы исходим из того, что в случае языков России значение 0 по этому параметру можно приписать только русскому языку, а для миноритарных языков отсчет начинается с 1.

Ниже представлено детальное описание наших подсчетов для собственно бежтинского диалекта бежтинского языка, северноселькупского, эвенкийского и хакасского языков.

3.1. Бежтинский язык

Бежтинский язык — один из бесписьменных языков Республики Дагестан, представленный также в Грузии и Азербайджане. Он относится к цезской группе нахско-дагестанской языковой семьи и имеет три диалекта: собственно бежтинский, тлядальский и хашархотинский. Бежтинцы живут компактно как в горной местности, так и в переселенческих селах на равнине, т. е. в селе или поселке живут представители одного диалекта (например, в с. Хашархота живут только носители хашархотинского диалекта). Однако в некоторых поселках способ проживания смешанный: в одном поселке могут проживать носители не только разных диалектов бежтинского языка, но и носители других языков. В городах проживают представители разных народов Дагестана и народов многих других регионов страны.

Определить уровень витальности бежтинского языка является непростой задачей. Прежде всего, это связано с тем, что языковая ситуация различается в местах компактного проживания и со смешанным типом проживания [Comrie 2008; Nichols 1992; 2015; Dobrushina 2013; Dobrushina et al. 2019; Тисова 2020]. Язык в горной местности менее подвержен влиянию извне, что связано в первую очередь с труднодоступностью, географической изоляцией, а также с традиционной эндогамией. Для горного населения характерно многоязычие.

Язык в городской среде, напротив, менее консервативен, в том числе в связи с большим количеством межэтнических браков. Для городского населения характерен билингвизм: жители городов владеют родным и русским языками. Все чаще для молодежи русский язык становится единственным.

Для определения витальности мы рассмотрим локальные варианты собственно бежтинского диалекта бежтинского языка, а именно горные населенные пункты Бежта, Балакури,

Жамод, Исоо, переселенческие села Качалай, Рыбалко, Вперёд, а также город Махачкалу. Для этих населенных пунктов были представлены экспертные данные 2010–2021 гг. по численности населения, численности бежтинцев, количеству говорящих на собственно бежтинском диалекте, отношению числа говорящих к величине этнической группы, а также данные о передаче языка в семье.

В результате подсчетов были выявлены три группы населенных пунктов с разными уровнями витальности: «уязвимый» для первой группы, «начало языкового сдвига» для второй и «под угрозой исчезновения» для третьей группы. В первую группу входят населенные пункты Бежта, Жамод, Исоо, Балакури, Качалай; во вторую группу — Рыбалко и Вперёд; в третью — г. Махачкала. Значения параметров по всем населенным пунктам представлены в табл. 7 и 8, визуализация уровней витальности на карте — на рис. 1.

Таблица 7

Собственно бежтинский диалект бежтинского языка: уровни витальности (подсчеты)

Поселок	Население	Численность бежтинцев	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
Бежта	3500	3500	3500 (2) ¹²	100 % (0)	Сохраняется (0)	Семейно-бытовая сфера: основной язык всех членов сообщества; неофициальные и официальные сферы: устное неформальное общение; официальные сферы: формальное общение — русский. (2)	Уязвимый (4; 16 %)
Балакури	539	539	539 (3)	100 % (0)	Сохраняется (0)	Семейно-бытовая сфера: основной язык всех членов сообщества; неофициальные и официальные сферы: устное неформальное общение; официальные сферы: формальное общение — русский. (2)	Уязвимый (5; 20 %)
Исоо	476	476	476 (3)	100 % (0)	Сохраняется (0)	Семейно-бытовая сфера: основной язык всех членов сообщества; неофициальные и официальные сферы: устное неформальное общение; официальные сферы: формальное общение — русский. (2)	Уязвимый (5; 20 %)

¹² Здесь и далее в скобках указывается значение соответствующего параметра по шкале ELCat.

Поселок	Население	Численность бежтинцев	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
Жамод	229	229	229 (3)	100 % (0)	Сохраняется (0)	Семейно-бытовая сфера: основной язык всех членов сообщества; неофициальные и официальные сферы: устное неформальное общение; официальные сферы: формальное общение — русский. (2)	Уязвимый (5; 20 %)
Качалай	984	984	984 (3)	100 % (0)	Сохраняется (0)	Семейно-бытовая сфера: основной язык всех членов сообщества; неофициальные и официальные сферы: устное неформальное общение; официальные сферы: формальное общение — русский. (2)	Уязвимый (5; 20 %)
Рыбалко	1787	231	231 (3)	100 % (0)	Сохраняется (0)	Семейно-бытовая сфера: основной язык для многих членов сообщества (3)	Начало языкового сдвига (6; 24 %)
Вперёд	1554	250	250 (3)	100 % (0)	Сохраняется (0)	Семейно-бытовая сфера: основной язык для многих членов сообщества (3)	Начало языкового сдвига (6; 24 %)
Махачкала	604 266	800	500 (3)	62 % (2)	Сохраняется частично (2)	Язык используется в основном дома или в кругу семьи, и может быть не основным языком даже в этих сферах для многих членов сообщества (4)	Под угрозой исчезновения (11; 44 %)

Сводное представление уровней витальности локальных вариантов собственно бежтинского диалекта бежтинского языка

Уровень витальности	Поселок	Значения по ELCat
Уязвимый	Бежта	4; 16 %
	Балакури	5; 20 %
	Исоо	5; 20 %
	Жамод	5; 20 %
	Качалай	5; 20 %
Начало языкового сдвига	Рыбалко	6; 24 %
	Вперёд	6; 24 %
Под угрозой исчезновения	Махачкала	11; 44 %

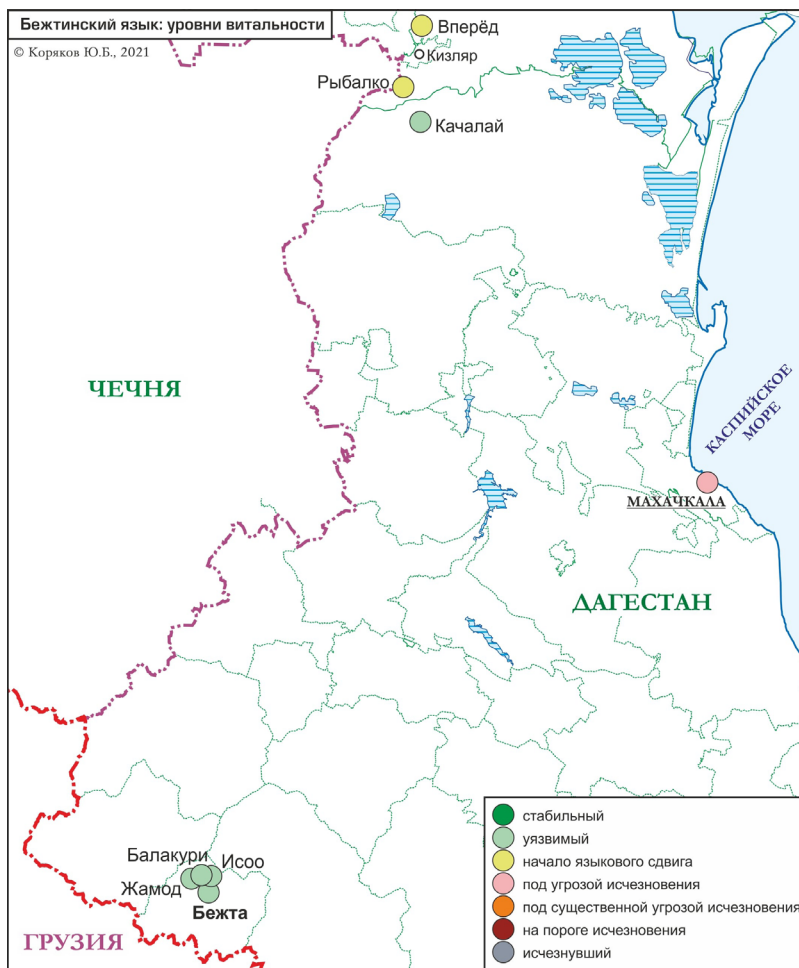

Рис. 1. Собственно бежтинский диалект бежтинского языка: уровни витальности (визуализация)

На примере с. Бежта, Рыбалко и г. Махачкала рассмотрим более детально систему подсчетов ELCat. В с. Бежта сохраняется межпоколенческая передача языка в семье: языком владеют представители всех поколений, включая детей, а соответствующий параметр принимает значение 0 (см. табл. 1). Абсолютное число носителей составляет около 3500 человек (значение параметра — 2). Все члены сообщества говорят на языке, и численность говорящих стабильна (значение параметра — 0). Бежтинский используется в неофициальных сферах наряду с другими языками и является основным языком в сфере семейно-бытового общения для многих членов сообщества. В официальных сферах используется преимущественно русский язык, однако особый случай представляет сфера религии: бежтинский язык используется в некоторых обрядах и песнопениях, но в целом используются арабский и аварский языки. Параметр «сферы использования» принимает значение 2. Таким образом, сумма значений четырех параметров равна 4 (или 16 %) и соответствует статусу «уязвимый» по шкале витальности ELCat.

В с. Рыбалко абсолютное число говорящих меньше (231 человек, значение параметра — 3), отсутствует также использование бежтинского языка при неформальном общении за пределами семейно-бытовой сферы (значение параметра — 3). Другие два параметра совпадают с ситуацией в с. Бежта. Таким образом, сумма значений четырех параметров равна 6 (или 24 %) и соответствует статусу «начало языкового сдвига» по шкале витальности ELCat.

В г. Махачкала межпоколенческая передача собственно бежтинского диалекта в семье частично сохраняется: дети владеют языком примерно в 62 % семей (значение параметра — 2). Абсолютное число носителей составляет 500 человек (значение параметра — 3). Большинство членов сообщества говорят на языке, но численность носителей постепенно сокращается (значение параметра — 2). Язык используется в основном в кругу семьи и может быть не основным языком даже в этих сферах для многих членов сообщества (значение параметра — 4). Таким образом, сумма значений четырех параметров равна 11 (или 44 %) и соответствует статусу «под угрозой исчезновения» по шкале витальности ELCat.

Разные уровни витальности собственно бежтинского диалекта бежтинского языка объясняются преимущественно различными сферами функционирования языка в сельской местности и в городе. Если в моноэтнической сельской местности (Бежта, Жамод, Исоо, Балакури, Качалай) язык используется неофициально во многих сферах (например, в сфере образования, где бежтинский язык используется в дошкольном и начальном обучении, или в сфере медицинского обслуживания), то в полиэтнических селах (Рыбалко, Вперёд) использование языка по большей части ограничивается семейно-бытовой сферой. В полиэтническом городе (Махачкала) происходит вытеснение языка из большинства сфер функционирования и переход на официальный язык межнационального общения (иногда даже в семейно-бытовой сфере). Таким образом, собственно бежтинский диалект бежтинского языка характеризуется набором из трех уровней витальности: уязвимый, начало языкового сдвига и под угрозой исчезновения.

3.2. Северноселькупский язык

Северноселькупский язык (до недавнего времени северное — тазовско-туруханское — наречие селькупского языка) относится к самодийской ветви уральской языковой семьи и распространен на территории пяти населенных пунктов Красноселькупского района (Красноселькуп, Толька, Ратта, Киккиакки и Сидоровск) и трех населенных пунктов Пуровского района (Толька¹³, Быстринка, г. Тарко-Сале) Ямало-Ненецкого автономного округа, а также трех населенных пунктов Туруханского района Красноярского края

¹³ Далее — Толька Пур, в отличие от Тольки Красноселькупского района.

(Фарково, Туруханск, Келлог); несколько носителей языка живут сейчас в г. Тюмень. Северные селькупы составляют большинство только в небольших поселках. Язык представлен пятью диалектами: это среднетазовский (Красноселькуп, Сидоровск), верхнетазовский (Ратта, Толька, Киккиакки), верхнетолькинский (Толька Пур, Быстринка, Тарко-Сале), туруханский (Фарково, Туруханск) и елогуйский (Келлог). Диалекты имеют разную степень сохранности или разный уровень витальности. По данным ВПН-2010, величина северноселькупской этнической группы составляла 2346 человек, а количество говорящих на северноселькупских диалектах — 838 человек. Наши оценки, основанные на данных социолингвистического обследования северноселькупских поселков, проводившегося в 2011–2015 гг., дают более скромную цифру: примерно 600 человек, причем сюда входят носители языка всех уровней — от полностью владеющих языком (не более 250 человек) до пассивных носителей, только понимающих селькупскую речь или способных сказать на языке только несколько бытовых фраз.

При подсчетах уровня витальности северноселькупских диалектов в разных локальных группах (населенных пунктах) по системе ELCat мы опирались на наши полевые данные 2011–2015 гг. (экспедиции проводились в рамках документационных проектов ЛАЛС НИВЦ МГУ, рук. О. А. Казакевич), данные местных администраций о величине этнической группы и данные социолингвистических обследований относительно владения языком и сфер его использования.

Подсчет дает трехступенчатую картину витальности в группах: от «под угрозой исчезновения» до «на пороге исчезновения» (см. табл. 9 и 10 и рис. 2).

Таблица 9

Северноселькупский язык: уровни витальности (подсчеты)

Поселок	Население	Численность селькупов	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
Красноселькуп	4353	663	80 (4)	12 % (5)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: тайный язык у отдельных представителей старшего поколения; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: факкультатив в школе; СМИ: телевидение, районная газета; культура: названия музейных экспонатов; культурно-массовые мероприятия. (3)	Под существенной угрозой исчезновения (20; 80 %)
Сидоровск	10	9	4 (5)	44 % (3)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: в одной семье наряду с русским. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (20; 80 %)

Поселок	Население	Численность селькулов	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
Толька	1923	541	260 (3)	48 % (3)	Сохраняется в отдельных семьях (4)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: названия музейных экспонатов; культурно-массовые мероприятия. (3)	Под угрозой исчезновения (13; 52 %)
Киккиакки	30	30	20 (4)	67 % (2)	Сохраняется в одной семье (4)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским. (4)	Под угрозой исчезновения (14; 56 %)
Ратта	259	166	100 (3)	60 % (2)	Сохраняется в отдельных семьях (4)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: культурно-массовые мероприятия. (3)	Под угрозой исчезновения (12; 48 %)
Тарко-Сале	21500	266	30 (4)	11 % (5)	Прервана (6)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; образование: предмет в школе-интернате; культура: культурно-массовые мероприятия. (3)	Под существенной угрозой исчезновения (18; 72 %)
Толька Пур	102	96	60 (4)	63 % (2)	Сохраняется в отдельных семьях (4)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским. (4)	Под угрозой исчезновения (14; 56 %)

Поселок	Население	Численность селькупов	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень vitalityности
Быстринка	66	62	50 (4)	81 % (1)	Сохраняется в отдельных семьях (4)	Семейно-бытовая сфера: в большинстве семей наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским. (3)	Под угрозой исчезновения (12; 48 %)
Туруханск	4313	72	20 (4)	28 % (4)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: тайный язык у отдельных представителей старшего поколения (5)	На пороге исчезновения (21; 84 %)
Фарково	289	228	40 (4)	18 % (5)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: предмет в школе. (3)	Под существенной угрозой исчезновения (20; 80 %)
Келлог	329	5	1 (5)	20 % (4)	Прервана (10)	Язык используется последней носительницей в работе с приехавшими лингвистами. (5)	На пороге исчезновения (24; 96 %)

Таблица 10

Сводное представление уровней vitalityности локальных вариантов северноселькупского языка

Уровень vitalityности	Поселок	Значения по ELCat
На пороге исчезновения	Келлог	24; 96 %
	Туруханск	21; 84 %
Под существенной угрозой исчезновения	Красноселькуп	20; 80 %
	Сидоровск	20; 80 %
	Фарково	20; 80 %
	Тарко-Сале	18; 72 %
Под угрозой исчезновения	Киккиакки	14; 56 %
	Толька КС	13; 52 %
	Толька Пур	14; 56 %
	Рагта	12; 48 %
	Быстринка	12; 48 %

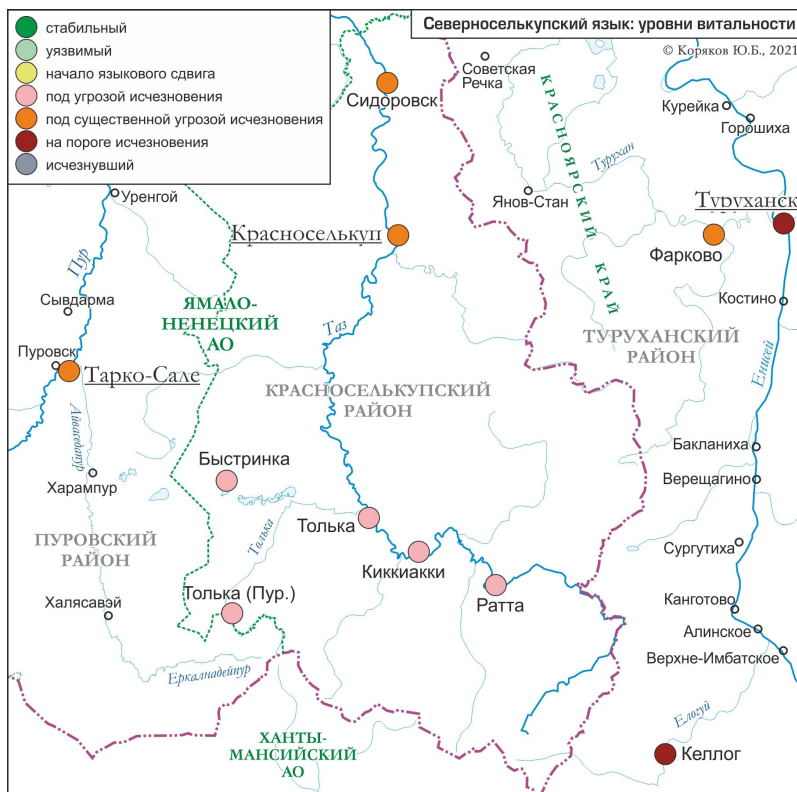

Рис. 2. Северноселькупский язык: уровни витальности (визуализация)

Наиболее сохранны верхнетолькинский и верхнетазовский диалекты. Фактория Быстринка и села Толька Пуровская, Ратта и Толька получают максимальный уровень витальности «под угрозой исчезновения». В отдельных семьях там сохраняется передача селькупского языка детям. И в семейно-бытовой сфере, и в традиционном производстве (оленеводство, охота, рыболовство) селькупский функционирует наряду с русским языком, причем русский нередко доминирует. Процент владеющих селькупским среди селькупского населения в Быстринке выше, чем в других населенных пунктах, поскольку это почти моноэтнический поселок, причем большинство семей живут не в самом поселке, а на своих рыбопромысловых участках по берегам озер и речек и приезжают в поселок, только чтобы сдать рыбу и купить продукты. На рыболовецких стойбищах далеко не везде есть телефонная связь, не говоря уже об интернете, но даже в такой глубинке не все дети усваивают селькупский до школы. Абсолютное количество носителей селькупского выше всего в Тольке. Толька — это довольно большой поселок (около 2000 чел.), где селькупы составляют всего 28 % населения, однако несколько семей поселка до сих пор держат оленей и большую часть года проводят на своих охотничьих угодьях. Дети, которые до школы живут на стойбищах, усваивают и селькупский, и русский. В Ратте и Тольке Пуровской тоже есть семьи, живущие на стойбищах, и именно в этих семьях еще держится передача этнического языка детям. В Тольке и в Ратте селькупский преподается в школе и иногда используется в культмассовых мероприятиях, однако новых носителей языка школа не создает. Почти опустевший поселок Киккиакки также дает уровень «под угрозой исчезновения». Зимой там живет 1–2 семьи, а летом приезжает еще несколько семей из Тольки; в одной из этих семей на момент обследования (2012 г.) сохранялась передача языка детям,

причем не от родителей, а от бабушки. В группе селькупов г. Тарко-Сале язык находится «под существенной угрозой». Тарко-Сале — райцентр Пуровского района, где селькупы составляют чуть больше одного процента. Почти все они — выходцы из Тольки Пуровской или Быстринки. Старшее и отчасти среднее поколение владеет селькупским, но детям язык не передается. В школе-интернате Тарко-Сале получают образование селькупские дети из Тольки Пуровской и Быстринки; там преподается селькупский язык, но новых носителей это не создает.

Передача детям среднетазовского и туруханского диалектов прервана повсеместно не менее четырех десятилетий тому назад. Среднетазовский диалект в Красноселькупе и Сидоровске и туруханский в Фаркове находятся «под существенной угрозой исчезновения». Младшим носителям языка за 40. При этом в Красноселькупе, райцентре Красноселькупского района, язык, почти ушедший из семейно-бытовой сферы, ограниченно используется в школе, в газете и на телевидении, не говоря уже о культурных мероприятиях, а в Фаркове преподается в школе. В группе селькупов Туруханска, райцентра Туруханского района, туруханский диалект, на котором говорит горстка пожилых людей, стоит «на пороге исчезновения».

Наконец, у елогуйского диалекта (Келлог), также получившего при подсчете уровень витальности «на пороге исчезновения», осталась последняя носительница, для которой уже много лет единственной коммуникативной ситуацией является работа с приезжающими лингвистами.

В целом более высокий уровень витальности демонстрируют локальные группы северных селькупов небольших поселков, удаленных от районных центров. Влияет и длительность контактов с языком большей функциональной мощности — русским. Так, на Турухане интенсивные контакты с русскими начались существенно раньше, чем на Тазе: до 1944 г. Средний и Верхний Таз (Сидоровск, Красноселькуп, Толька, Киккиакки, Ратта) были глубокой труднодоступной периферией Туруханского района. Даже после передачи этой территории Ямало-Ненецкому автономному округу и создания Красноселькупского района с центром в Красноселькупе, русскоязычного населения там было относительно немного. Массовый приток русскоязычного населения на Таз начался только в 1970–1980-е гг. Происходившие задолго до того контакты северноселькупского языка с языками сопоставимой функциональной мощности (эвенкийским в Ратте, восточнохантыйским в Тольке Пуровской, кетским в Ратте и Фаркове) не вели к ослаблению позиций селькупского языка. Напротив, носители этих языков были ассимилированы селькупцами и перешли на селькупский язык. Единственная группа, где в результате контактов селькупы были отчасти ассимилированы кетами, — это елогуйские селькупы Келлога. Нельзя не отметить, что сегодня среди знатоков селькупского языка и фольклора много потомков смешанных селькупско-эвенкийских, селькупско-кетских и селькупско-хантыйских семей. Не последнюю роль в сохранении внутрисемейной передачи этнического языка играет традиционная хозяйственная деятельность, прежде всего оленеводство, требующее постоянного нахождения семьи или отдельных ее членов вдали от поселка. Оленеводство отчасти сохраняется в бассейне Таза, но исчезло на Турухане более 40 лет назад. При исчезновении оленеводства охота и рыбная ловля, распространенные повсеместно, но имеющие сезонный характер, не обеспечивают сохранности языка. Впрочем, сегодня язык не всегда передается детям и в оленных семьях. Во всех трех райцентрах (Красноселькупе, Тарко-Сале и Туруханске) уровень витальности языка, как правило, ниже, чем в поселках соответствующих районов¹⁴, хотя именно в райцентрах зачастую сосредоточено функционирование языка в нетрадиционных сферах.

¹⁴ В Красноселькупском районе исключение составляет Сидоровск, где уровень витальности такой же, как в райцентре. См. об этом ниже.

3.3. Эвенкийский язык

Эвенкийский язык относится к тунгусо-маньчжурским языкам. Он распространен на огромной территории от притоков Оби и Иртыша на западе до острова Сахалин на востоке и от Таймыра на севере до границы с Китаем на юге. Впрочем, по-эвенкийски говорят и за пределами России в Китае и Монголии. На территории России язык представлен большим количеством локальных вариантов (диалектов, говоров), которые объединяются в три наречия — северное, южное и восточное [Василевич 1948].

По ВПН-2010 в России насчитывалось 37 843 эвенка, из которых только 4310 человек заявили о владении своим этническим языком. Из более сотни населенных пунктов с эвенкийским населением для подсчета уровня витальности был выбран 21, куда вошли два наиболее благополучных, по мнению экспертов, поселка Иенгра и Усть-Нюкжа и 19 поселков из числа тех, где в последние полтора десятилетия проводились социолингвистические обследования в рамках документационных проектов ЛАЛС НИВЦ МГУ и ЛИСМЯ ИЯз РАН (рук. О. А. Казакевич). Подсчеты базируются на данных ВПН-2010 и нашей экспертной оценке объема и сфер использования языка¹⁵ (см. табл. 11 и 12 и рис. 3).

Таблица 11

Эвенкийский язык: уровни витальности (подсчеты)

Поселок	Население	Численность эвенков	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
Иенгра	1104	816	612 (3)	75 % (2)	Сохраняется частично (2)	Семейно-бытовая сфера: во многих семьях наряду с русским; традиционные промыслы: оленеводство наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: культурно-массовые мероприятия (3)	Начало языкового сдвига (10; 40 %)
Усть-Нюкжа	599	350	303 (3)	86 % (2)	Сохраняется частично (2)	Семейно-бытовая сфера: во многих семьях наряду с русским; традиционные промыслы: оленеводство наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: культурно-массовые мероприятия. (3)	Начало языкового сдвига (10; 40 %)

¹⁵ В двух случаях, когда возникли существенные противоречия между данными переписи и данными наших обследований, мы откорректировали данные переписи в сторону наших данных (Советская Речка и Тетя).

Поселок	Население	Численность эвенков	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
Суринда	493	479	288 (3)	60 % (3)	Прервана (6)	Семейно-бытовая сфера: во многих семьях наряду с русским; традиционные промыслы: оленеводство наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: культурно-массовые мероприятия (3)	Под угрозой исчезновения (15; 60 %)
Тура	5535	925	222 (3)	24 % (4)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: факультатив в школе; курсы для детей и взрослых; СМИ: районная газета; культура: культмассовые мероприятия. (3)	Под существенной угрозой (18; 72 %)
Чиринда	211	160	78 (4)	48 % (3)	Прервана (6)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским и/или якутским; традиционные промыслы: наряду с русским и/или якутским; образование: предмет в школе; культура: культмассовые мероприятия. (3)	Под существенной угрозой (16; 64 %)
Тутончаны	263	123	98 (4)	79 % (2)	Прервана (6)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: культмассовые мероприятия. (3)	Под угрозой исчезновения (15; 60 %)

Поселок	Население	Численность эвенков	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
Советская Речка	143	89	60 (4)	67% (2)	Сохраняется в отдельных семьях (4)	Семейно-бытовая сфера: в большинстве семей наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: культмассовые мероприятия. (3)	Под угрозой исчезновения (13; 52%)
Тетя	37	34	10 (4)	29% (4)	Прервана (дети не говорят) (6)	Семейно-бытовая сфера: в большинстве семей наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским (3)	Под существенной угрозой исчезновения (17; 68%)
Полигус	302	216	96 (4)	44% (3)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: культмассовые мероприятия. (3)	Под существенной угрозой исчезновения (18; 72%)
Тугур	384	252	59 (4)	23% (4)	Прервана (6)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: оленеводство наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: культмассовые мероприятия. (3)	Под существенной угрозой исчезновения (17; 68%)
Ербогачен	1913	251	27 (4)	10% (5)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: оленеводство наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: культмассовые мероприятия. (3)	Под существенной угрозой исчезновения (20; 80%)

Поселок	Население	Численность эвенков	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень vitalityности
Стрелка-Чуна	191	95	21 (4)	22 % (4)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: предмет в школе sporadически. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (20; 80 %)
Алгазея	62	62	10 (4)	16 % (5)	Прервана (есть, по крайней мере, один молодой человек, который говорит по-эвенкийски), остальным носителям за 50 (6)	Семейно-бытовая сфера: тайный язык у отдельных представителей старшего поколения; традиционные промыслы: оленеводство наряду с русским; культурно-массовые мероприятия. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (19; 76 %)
Хан-тайское Озеро	354	148	10 (4)	6 % (5)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: предмет в школе; культура: культмассовые мероприятия (3)	Под существенной угрозой исчезновения (20; 80 %)
Муторай	96	55	28 (4)	50 % (3)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским; образование: предмет в школе sporadически; культмассовые мероприятия. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (19; 76 %)

Поселок	Население	Численность эвенков	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
Юкта	105	69	12 (4)	17% (5)	Прервана (10)	Семейно-бытовая сфера: тайный язык у отдельных представителей старшего поколения; традиционные промыслы: наряду с русским sporadически; образование: предмет в школе; культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	На пороге исчезновения (23; 92%)
Вершина-Тутуры	184	149	10 (5)	6% (5)	Прервана (10)	Семейно-бытовая сфера: тайный язык у отдельных представителей старшего поколения; традиционные промыслы: наряду с русским sporadически; образование: факультатив в школе; культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	На пороге исчезновения (24; 96%)
Виакту	184	44	9 (5)	20% (4)	Прервана (10)	Семейно-бытовая сфера: тайный язык у отдельных представителей старшего поколения; работа с приезжими лингвистами. (5)	На пороге исчезновения (24; 96%)
Токма	75	22	5 (5)	22% (4)	Прервана (10)	Семейно-бытовая сфера: тайный язык у отдельных представителей старшего поколения; работа с приезжими лингвистами. (5)	На пороге исчезновения (24; 96%)

Поселок	Население	Численность эвенков	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень vitalityности
Сым	179	14	5 (5)	36 % (4)	Прервана (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским; традиционные промыслы: наряду с русским (4)	На пороге исчезновения (21; 84 %)
Перевоз	873	56	0 (5)	0 % (5)	Прервана (10)	Язык не используется, некоторые эвенки помнят только отдельные слова. (5)	Исчезнувший (25; 100 %)

Таблица 12

Сводное представление уровней vitalityности 21 локального варианта эвенкийского языка

Уровень vitalityности	Поселок	Значения по ELCat
Исчезнувший	Перевоз	25; 100 %
	Токма	24; 96 %
На пороге исчезновения	Виахту	24; 96 %
	Вершина-Тутуры	24; 96 %
	Юкта	23; 92 %
	Сым	21; 84 %
	Хантайское озеро	20; 80 %
Под существенной угрозой исчезновения	Стрелка-Чуны	20; 80 %
	Ербогачен	20; 80 %
	Муторай	19; 76 %
	Алгазея	19; 76 %
	Полигус	18; 72 %
	Тура	18; 72 %
	Тугур	17; 68 %
	Тетя	17; 68 %
	Чиринда	16; 64 %
	Под угрозой исчезновения	Тутончаны
Суринда		15; 60 %
Советская речка		13; 52 %
Начало языкового сдвига	Усть-Нюкжа	10; 40 %
	Иенгра	10; 40 %

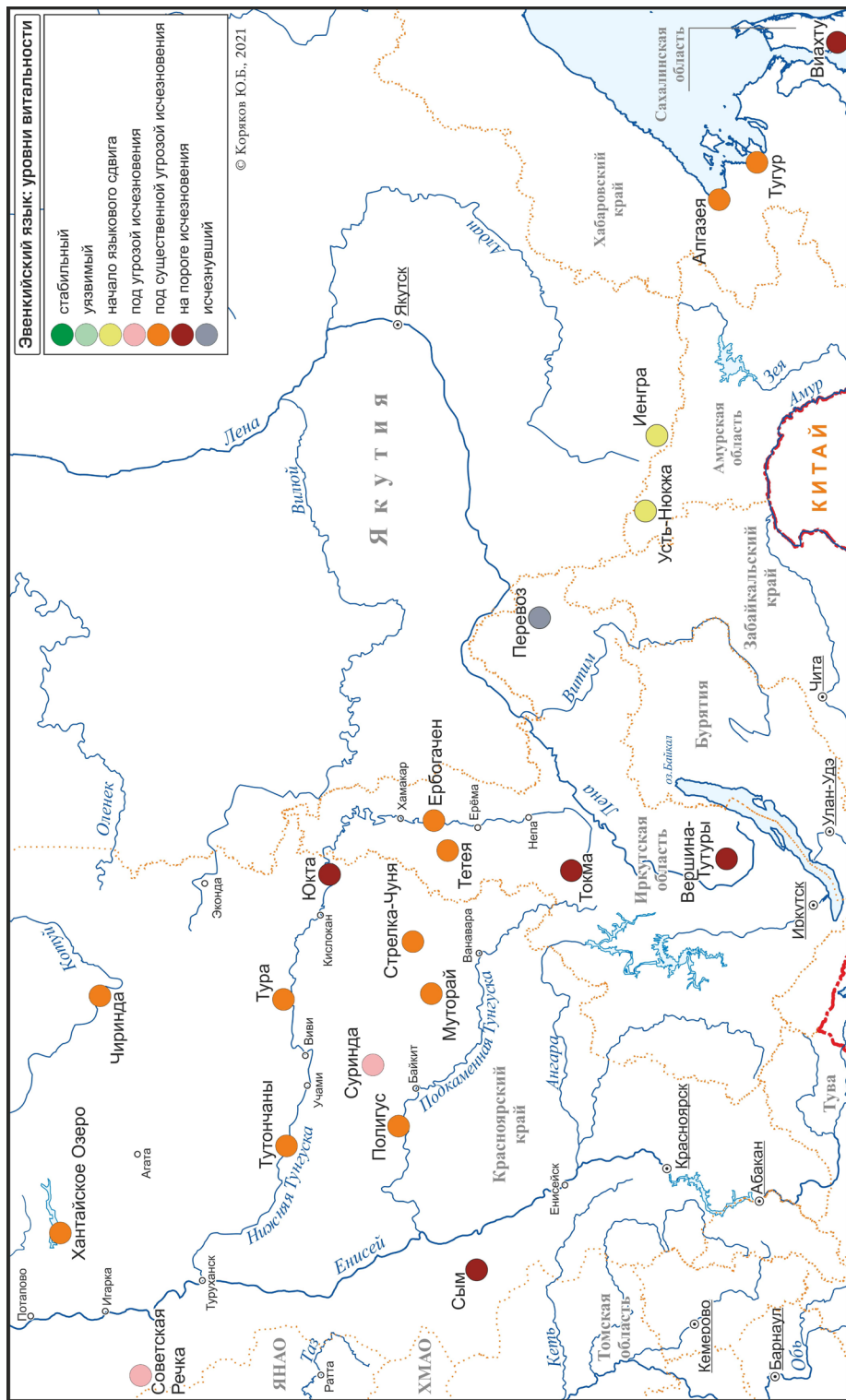

Рис. 3. Эвенкийский язык: уровни витальности (визуализация)

Эвенкийская выборка дает разброс поселков (локальных групп) по пяти уровням витальности от «начала языкового сдвига» до «исчезнувший».

«Начало языкового сдвига»: Иенгра, Усть-Нюкжа (восточное наречие). Довольно большие поселки с преимущественно эвенкийским населением; язык продолжает служить средством общения представителей старшего и отчасти среднего поколения наряду с русским, во многих семьях эвенкийский все еще передается детям, однако детей, не говорящих по-эвенкийски, из года в год становится больше. Язык преподается в детском саду и школе.

«Под угрозой исчезновения»: Советская Речка (северное наречие), Суринда (южное наречие). Если в Советской Речке в отдельных семьях язык еще может передаваться детям, то в Суринде передача языка прервана не менее 15–20 лет назад. Носителей языка в Суринде раза в три больше, чем в Совречке¹⁶. В обоих поселках сохраняется оленеводство, но ни традиционные занятия, ни преподавание языка в школе не спасают от перехода на русский язык, который доминирует во всех сферах, в том числе семейно-бытовой.

«Под существенной угрозой исчезновения»: Хантайское Озеро, Чиринда, Тутончаны, Тура, Ербогачен, Тетя¹⁷ (северное наречие), Полигус (южное наречие), Тугур, Алгазя (восточное наречие). Язык спорадически используется как средство общения в старшем и среднем поколениях наряду с русским, но русский доминирует во всех сферах. Передача языка детям прервана от 10–15 (Тетя) до 30–40 лет назад (Ербогачен). В Хантайском Озере, Чиринде, Тутончанах и Ербогачене язык преподается в школе как предмет или как факультатив, в Туре есть курсы эвенкийского для детей и взрослых и выходит эвенкийская страница в районной газете.

«На пороге исчезновения»: Сым (южное наречие), Юкта (северное наречие), Токма, Вершина-Тутуры, Виахту (восточное наречие). Эвенкийский практически не используется как средство коммуникации, иногда служит тайным языком для знающих. Владеют языком единицы, все старше 50 лет.

«Исчезнувший»: Перевоз (судя по остаткам эвенкийской лексики у жителей поселка с эвенкийской самоидентификацией, восточное наречие). В результате интенсивных контактов с якутами в начале XX в. возникло эвенкийско-якутское двуязычие, не менее 60 лет назад прекратилась передача эвенкийского языка от родителей детям, а к концу XX в. завершился переход группы на якутский язык. Старшие вспоминают лишь отдельные эвенкийские слова. Сейчас в группе начался новый процесс смены языка — переход с якутского на русский.

Широкий разброс уровней витальности в 21 локальной группе эвенков связан с рядом факторов, среди которых время начала контактов с языком большей функциональной мощности и их интенсивность, сохранение оленеводства, наличие вынужденных переселений в истории группы, доля эвенкийского населения в поселке, языковая лояльность членов группы. Обе группы эвенков с уровнем языковой витальности «начало языкового сдвига» живут в поселках средних размеров (Иенгра и Усть-Нюкжа) и составляют в них большинство населения (74 % и 58 %). Обе группы сохраняют оленеводство, и в обеих группах сохраняется внутрисемейная передача языка, хотя и не во всех семьях. При этом эвенкийский в поселках функционирует не только в традиционных, но и в нетрадиционных сферах, однако без специального полевого исследования трудно сказать, насколько это влияет на сохранность межпоколенческой передачи языка и его повседневное использование. В истории эвенкийских локальных групп нашей выборки языков, контакты с которыми привели к языковому сдвигу, было три: якутский, долганский и, конечно, русский. Примером группы, полностью утратившей эвенкийский и перешедшей на якутский,

¹⁶ В ВПН-2010 количество владеющих эвенкийским языком в поселке явно занижено. Мы пользуемся данными наших обследований.

¹⁷ В ВПН-2010 завышено количество эвенкийских жителей поселка. Мы пользуемся данными наших обследований.

являются эвенки Перевоза. Раннее начало интенсивных контактов с русским языком, утрата оленеводства и переселение из тайги в поселок с преимущественно русскоязычным населением привело к языковому сдвигу в последней стадии с уровнем витальности «на пороге исчезновения» у эвенков Токмы, Виахту, Вершины-Тутуры. Для каменных эвенков, переселенных в Хантайское Озеро, триггером, запустившим процесс языкового сдвига, стали интенсивные контакты с долганями, которые еще на Камне привели к переходу части группы на долганский язык. Затем последовало переселение всех жителей фактории в Хантайское Озеро, где сейчас мы находим не только каменных, но и хантайских эвенков, а также эвенков, переселившихся сюда из закрывшихся факторий (Агаты, Большого Порога, Виви) уже в процессе нового языкового сдвига — перехода с долганского или с эвенкийского на русский.

Наличие в группе факторов, способных положительно влиять на сохранность языка, далеко не всегда эту сохранность гарантируют. Пример тому — группа эвенков Суринды, составляющих большинство населения поселка и сохраняющих оленеводство, но уже лет 20 не передающих этнический язык детям («под угрозой исчезновения»). Такой же уровень витальности оказался в Советской Речке, которая почти в три раза меньше Суринды, но, подобно Суринде, сохраняет оленеводство, хотя и в гораздо меньших масштабах, а при этом и тоненькую струйку передачи языка в семье. Возможно, работает языковая лояльность группы, когда-то перешедшей на левый берег Енисея и оставшейся там среди селюков и ненцев, сохраняя свое этническое самосознание и свой язык.

3.4. Хакасский язык

В качестве примера республиканского языка можно привести хакасский. Хакасский язык относится к тюркским языкам, у него выделяются четыре основных диалекта: кызыльский, качинский, сагайский и шорский. Всего на хакасском языке говорит около 40 тыс. человек, подавляющее большинство из них проживает в Хакасии. Язык имеет официальный статус в Республике Хакасия, для него разработана литературная норма. До 2018 г. он преподавался как обязательный предмет во всех школах Хакасии; в настоящее время количество школ с преподаванием хакасского языка уменьшилось. Несмотря на официальный статус, сохранность хакасского языка в республике невысока, и реальное употребление языка за редким исключением сводится к семейно-бытовой сфере. Витальность хакасского языка различается по районам и населенным пунктам, разные диалекты показывают разный уровень витальности.

Проблема применения шкал к языкам с большим количеством носителей (как хакасский) во многом состоит в том, что провести широкомасштабное социолингвистическое обследование и оценить реальный уровень витальности в каждом населенном пункте большого ареала является непосильной задачей. Поэтому для хакасского языка мы использовали данные ВПН-2010. Однако тут следует учитывать, что, руководствуясь данными переписи, приходится опираться на субъективное мнение представителей этнической общности о владении этническим языком, достаточно часто не совпадающее с оценкой лингвистов, а кроме того, анализировать и исключать методические погрешности, возникающие в процессе сбора информации о населении. С другой стороны, в переписи не отражены сферы использования языка, и тут все равно приходится подключать данные экспертов.

Работа с ВПН-2010 по республике Хакасия обнаруживает некоторые проблемы, вероятно, связанные с тем, что переписчики в разных районах получили разные инструкции. Так, в Таштыпском районе, где проживает большое количество хакасов и сохранность хакасского языка достаточно высокая по сравнению с другими районами, по многим поселкам графа владения языком оказывается пустой, при этом в графе «Родной язык» данные присутствуют. Такое возможно в переписи по двум основным причинам. Это может

быть ситуация, когда представители этнической группы называют своим родным языком язык своей этнической группы, которым они при этом не владеют, о чем далее сообщают переписчику, и данные в графу «Владение языками» не вносятся. Но возможно и то, что во время переписи, в случае если родным языком называется этнический язык, далее о его владении переписчики просто не спрашивают, считая, что владение по умолчанию следует из признания языка родным. Таким образом, данные по владению этническим языком также не вносятся в графу «Владение языками». По всей вероятности (это также подтверждается экспертными оценками), во время переписи по Таштыпскому району Хакасии имела место вторая ситуация. Поэтому при определении общего количества владеющих языком по Таштыпскому району пришлось учитывать данные из графы переписи «Родной язык».

Для языков с большим количеством носителей затруднительно просчитать каждый населенный пункт, поэтому нами было принято решение за локальную единицу брать целый административный район. Плотность этнического населения может сильно различаться по районам. Соответственно, сохранность языка в той или иной локальной группе в случае хакасского зависит от компактности проживания и удельной плотности носителей в районе.

В табл. 13 представлены данные ВПН-2010 по республике Хакасия, касающиеся численности хакасской этнической группы и количества носителей хакасского языка в восьми районах и четырех наиболее крупных городах, включая столицу — г. Абакан (данные в таблице отсортированы по величине этнической группы в районе или городе). Данные о передаче языка внутри семьи и о сферах использования языка предоставлены экспертами. В табл. 14 дается сводное представление уровней витальности локальных вариантов по районам.

Таблица 13

Хакасский язык: уровни витальности (подсчеты)

Районы и города	Население	Численность хакасов	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
Аскизский район	40 795	20 584	17 008 (1)	82,6 % (2)	Сохраняется в отдельных семьях (4)	Семейно-бытовая сфера: в половине семей наряду с русским. Культура: культурно-массовые мероприятия. Образование: предмет изучения в школе (3)	Начало языкового сдвига (10; 40 %)
г. Абакан	160 441	18 488	11 271 (1)	61 % (3)	Сохраняется в отдельных семьях (4)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским. Культура: культурно-массовые мероприятия. Образование: предмет изучения в школе (4)	Под угрозой исчезновения (12; 48 %)
Таштыпский район	16 565	7 313	5 843 (2)	79,9 % (2)	Сохраняется в отдельных семьях (4)	Семейно-бытовая сфера: в половине семей наряду с русским. Культура: культурно-массовые мероприятия. Образование: предмет изучения в школе (3)	Под угрозой исчезновения (11; 44 %)

Районы и города	Население	Численность хакасов	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
Бейский район	20 057	3 620	3 037 (2)	83,9 % (2)	Сохраняется в отдельных семьях (4)	Семейно-бытовая сфера: в половине семей наряду с русским. Образование: предмет изучения в школе. Культура: культурно-массовые мероприятия. (3)	Под угрозой исчезновения (11; 44 %)
Ширинский район	28 779	3 189	1 591 (2)	49,9 % (3)	Прервана (дети не говорят) (6)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским. Образование: предмет изучения в школе. Культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	Под угрозой исчезновения (15; 60 %)
Усть-Абаканский район	39 350	2 586	1 177 (2)	45,5 % (4)	Прервана (молодежь не говорит) (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским. Образование: предмет изучения в школе. Культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (18; 72 %)
Алтайский район	25 568	2 493	1 668 (2)	66,9 % (3)	Прервана (дети не говорят) (6)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским. Образование: предмет изучения в школе. Культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	Под угрозой исчезновения (15; 60 %)
Орджоникидзевский район	12 840	1 339	424 (3)	31,7 % (4)	Прервана (молодежь не говорит) (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским. Образование: предмет изучения в школе. Культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (19; 76 %)

Районы и города	Население	Численность хакасов	Количество говорящих	Отношение числа говорящих к величине этнической группы	Передача языка внутри семьи	Сферы использования	Уровень витальности
г. Черногорск	73 796	1 128	533 (3)	47,3 % (4)	Прервана (молодежь не говорит) (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским. Образование: предмет изучения в школе. Культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (19; 76 %)
г. Сорск	12138	723	212 (3)	29,3 % (4)	Прервана (молодежь не говорит) (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским. Образование: предмет изучения в школе. Культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (19; 76 %)
г. Саяногорск	63 306	583	308 (3)	52,8 % (3)	Прервана (молодежь не говорит) (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским. Образование: предмет изучения в школе. Культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (18; 72 %)
Богградский район	14 954	481	107 (3)	22,2 % (4)	Прервана (молодежь не говорит) (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским. Образование: предмет изучения в школе. Культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (19; 76 %)
г. Абаза	16 841	330	141 (3)	42,7 % (4)	Прервана (молодежь не говорит) (8)	Семейно-бытовая сфера: в отдельных семьях наряду с русским. Образование: предмет изучения в школе. Культура: культурно-массовые мероприятия. (4)	Под существенной угрозой исчезновения (19; 76 %)

Рис. 4. Хакасский язык: уровни витальности (визуализация)

Таблица 14

Сводное представление уровней витальности локальных вариантов хакасского языка

Уровень витальности	Поселок	Значения по ELCat
Под существенной угрозой исчезновения	г. Абаза	19; 76 %
	Богградский район	19; 76 %
	г. Сорск	19; 76 %
	г. Черногорск	19; 76 %
	Орджоникидзевский район	19; 76 %
	Усть-Абаканский район	18; 72 %
	г. Саяногорск	18; 72 %
Под угрозой исчезновения	Алтайский район	15; 60 %
	Ширинский район	15; 60 %
	г. Абакан	12; 48 %
	Таштыпский район	11; 44 %
Начало языкового сдвига	Бейский район	11; 44 %
	Аскизский район	10; 40 %

Наибольшая сохранность хакасского языка отмечается в Аскизском, Таштыпском и Бейском районах. Именно в этих районах численность этнической группы наиболее высокая. Статус по шкале ELCat для хакасского языка по разным районам варьируется от «начало языкового сдвига» до «под существенной угрозой исчезновения» (см. рис. 4). При этом нужно понимать, что оценка витальности для конкретного района не означает, что во всех населенных пунктах этого района она будет такой же. Например, в каких-то конкретных населенных пунктах язык может быть полностью утрачен.

4. Обсуждение результатов

Опыт практического применения шкалы ELCat, представленный на примерах в разделе 3, выявил несколько общих проблемных мест. В параметре «межпоколенческая передача языка» авторы шкалы объединяют несколько факторов: доля носителей разных поколений (большинство взрослых / некоторые взрослые / многие из старшего поколения / несколько носителей старшего поколения) и наличие передачи языка детям. При этом комбинации этих факторов внутри значений каждого параметра не покрывают всех случаев, встретившихся в нашей практике. Так, не учитывается ситуация, когда небольшое количество взрослых говорит на языке, а передача языка детям при этом сохраняется (пусть и в небольшом количестве семей). Именно этот случай мы наблюдаем в некоторых районах, где распространен хакасский язык. В результате мы приняли решение изменить формулировки значений этого параметра (см. раздел 3), оставив только один фактор — передача языка.

В параметре «количество носителей» интервал от 10 до 99 представляется недостаточно детализированным: одинаковое значение по этому параметру получают языки с 10 и 99 носителями, хотя это явно неравноценные ситуации. Представляется разумным разделить этот интервал хотя бы на два: от 10 до 29 и от 30 до 99. При малом количестве носителей различие в несколько десятков человек может изменить перспективу функционирования языка, и это следует учитывать при измерении витальности.

Искажать результат подсчета витальности в определенных случаях может параметр «динамика соотношения количества носителей и численности этнической группы»: если этническая группа очень малочисленна, то даже небольшое абсолютное количество носителей дает высокий процент владения языком в группе (ср. ситуацию с северноселькупским языком в Келлоге и с эвенкийским в Сыме).

Трудности возникли и с параметром «сферы использования»: значения этого параметра в целом описаны довольно размыто, а между уровнями «благополучный» и «уязвимый» различия и вовсе отсутствуют (см. также обсуждение в разделе 3). На практике в наших подсчетах мы использовали более конкретное описание сфер (семейно-бытовая, традиционное производство, образование, СМИ, культура, религия).

При этом важно понимать, что один и тот же уровень витальности может быть приписан локальным вариантам языка, находящимся в разном положении, и эта разница не будет явно отражена в том ярлыке, который им приписан. Уровень витальности может быть связан с различающимися значениями некоторых параметров. Иными словами, ситуации локальных вариантов языка, попавших на один уровень шкалы, могут не совпадать в деталях. Увидеть эту разницу позволяет эксплицитное представление подсчетов значений параметров по шкале ELCat. Например, Красноселькуп и Сидоровск получают одинаковый уровень витальности, но Красноселькуп за счет довольно широкого использования там уже не передающегося детям селькупского языка в нетрадиционных сферах, а Сидоровск за счет высокого процента говорящих по-селькупски среди весьма скромного количества (10) живущих там селькупов, большинство из которых весьма преклонного возраста. Общей проблемой при применении любой шкалы к оценке витальности языка является полнота и достоверность исходных данных. Полевые данные можно считать самыми точными, при этом их сбор требует значительных ресурсов, особенно для языков с большим числом носителей. Экспертная оценка позволяет получить реалистичное представление о состоянии языка, но часто это качественные, а не количественные данные, к тому же не по каждому языку можно найти эксперта. Перепись населения содержит большой объем данных, которые показывают общую картину, однако не всегда верно отражают действительность (ср., например, ситуацию с хакасским языком, описанную в разделе 3.4, а также проблемы, обсуждаемые в [Беликов 2020]).

Часть данных переписи основывается на самооценке респондентов и, таким образом, субъективна. Так, при ответе на вопрос о национальной принадлежности многие носители бежтинского языка относят себя к аварцам, но родным языком считают бежтинский.

При построении единообразного описания большого количества языков приходится задействовать данные из разных источников: переписей и экспедиций разных лет, публикаций и оценок экспертов. Из-за «разношерстности» исходных материалов разработчикам энциклопедических ресурсов иногда бывает сложно корректно сопоставить различные языковые ситуации, а пользователи испытывают затруднения при их анализе.

Заключение

В статье мы рассмотрели разные подходы к понятию витальности и существующие модели измерения ее уровня. Была выбрана шкала ELCat как наиболее подходящая для наших целей, и ее использование было продемонстрировано на материале четырех миноритарных языков России: собственно бежтинского диалекта бежтинского языка, северноселькупского, эвенкийского и хакасского языков.

Как правило, уровень витальности присваивается языку в целом, однако поскольку в разных локальных группах языковые ситуации могут различаться, было решено присваивать уровень варианту языка, функционирующему в отдельной локальной группе (в отдельных населенных пунктах или административных районах в зависимости от общего

числа носителей языка). Итоговая характеристика витальности языка представляет собой набор значений. В процессе применения шкалы к конкретному материалу были выявлены проблемные точки. Для устранения некоторых из них нам удалось предложить собственное решение. Таким образом, в очередной раз было показано, насколько полезным оказывается тестирование модели на реальном материале.

Конечно, для усовершенствования шкал, претендующих на универсальность и точность оценки витальности, хотелось бы ввести в модель больше параметров, но подобная детализация вступает в противоречие с применимостью модели к значительному объему материала. Даже использование шкалы ELCat с ее четырьмя параметрами потребовало существенных затрат, так что сложно себе представить, каким образом можно оценить витальность большого количества языков (например, всех языков России), скажем, по модели Дж. Эдвардса с ее 33 параметрами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Агранат 2018 — Агранат Т. Б. Миноритарные языки европейской части РФ с точки зрения критериев витальности ЮНЕСКО. *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*, 2018, 801(9): 324–350. [Agranat T. B. Minority languages of the European part of Russia from the point of view of UNESCO factors of language vitality. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, 2018, 801(9): 324–350.]
- Амелина, Акбаш 2016 — Амелина М. К., Акбаш Е. У. Мансийский язык. *Язык и общество. Энциклопедия*. Михальченко В. Ю. (отв. ред.). М.: Азбуковник, 2016, 265–273. [Amelina M. K., Akbash E. U. Mansi. *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya*. Mikhail'chenko V. Yu. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2016, 265–273.]
- Беликов 2020 — Беликов В. И. Многоязычный Дагестан: лингводемографический комментарий к Всероссийской переписи населения 2010. *Малые языки в большой лингвистике. Сб. трудов конференции 2020*. Семенова Кс. П. (ред.). М.: Буки Веди, 2020, 16–24. [Belikov V. I. Multilingual Dagestan: A linguo-demographic commentary to the Russian census of 2010. *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike. Sbornik trudov konferentsii 2020*. Semionova X. P. (ed.). Moscow: Buki Vedi, 2020, 16–24.]
- Василевич 1948 — Василевич Г. М. *Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка*. Л.: Учпедгиз, 1948. [Vasilevich G. M. *Ocherki dialektov evenkiiskogo (tungusskogo) yazyka* [Sketches on the Evenki (Tungus) dialects]. Leningrad: Uchpedgiz, 1948.]
- Вахтин, Головко 2004 — Вахтин Н. Б., Головко Е. В. *Социолингвистика и социология языка. Учебное пособие*. СПб.: Издательский центр «Гуманитарная академия», 2004. [Vakhtin N. B., Golovko E. V. *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka. Uchebnoe posobie* [Sociolinguistics and sociology of language. A textbook]. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya, 2004.]
- ВПН-2010 — Всероссийская перепись населения 2010. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. [The Russian census of 2010. Data on the final results of the Russian census of 2010] https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
- Казакевич 2020 — Казакевич О. А. Социолингвистическая типология языков малочисленных народов. *Закономерности социокультурного развития языков в полиэтнических странах мира: Россия — Вьетнам*. Биткеева А. Н., Михальченко В. Ю., Нгуен Ван Хьеп (отв. ред.). М.: ИМЛИ РАН, 2020, 42–46. [Kazakevich O. A. Sociolinguistic typology of minority languages. *Zakonovernosti sotsiokul'turnogo razvitiya yazykov v polietnicheskikh stranakh mira: Rossiya — V'etnam*. Bitkeeva A. N., Mikhail'chenko V. Yu., Nguyen Van Hiep (eds.). Moscow: Gorky Institute of World Literature, 2020, 42–46.]
- Михальченко 2006 — Михальченко В. Ю. (ред.). *Словарь социолингвистических терминов*. М.: ИЯЗ РАН, 2006. [Mikhail'chenko V. Yu. (ed.). *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [A dictionary of sociolinguistic terminology]. Moscow: Institute of Linguistics, 2006.]
- Оде 2016 — Оде С. Тундрный юкагирский язык. *Язык и общество. Энциклопедия*. Михальченко В. Ю. (отв. ред.). М.: Азбуковник, 2016, 500–502. [Ode S. Tundra Yukaghir. *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya*. Mikhail'chenko V. Yu. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2016, 500–502.]
- Перехвальская 2016 — Перехвальская Е. В. Удэгейский язык. *Язык и общество. Энциклопедия*. Михальченко В. Ю. (отв. ред.). М.: Азбуковник, 2016, 506–513. [Perekhval'skaya E. V. Udihe. *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya*. Mikhail'chenko V. Yu. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2016, 506–513.]

- Поливанов и др. 2020 — Поливанов К. К., Казакевич О. А., Сердобольская Н. В., Халилова З. М., Будянская Е. М., Евстигнеева А. П., Мищенко К. О., Мордашова Д. Д., Покровская С. В., Ренковская Е. А. Информационный ресурс «Малые языки России»: задачи и специфика. *Малые языки в большой лингвистике. Сб. трудов конференции 2020*. Семенова Кс. П. (ред.). М.: Буки Веди, 2020, 186–192. [Polivanov K. K., Kazakevich O. A., Serdobol'skaya N. V., Khalilova Z. M., Budyanskaya E. M., Evstigneeva A. P., Mishchenkova K. O., Mordashova D. D., Pokrovskaya S. V., Renkovskaya E. A. The information resource “Minority languages of Russia”: Objectives and specific features. *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike. Sbornik trudov konferentsii 2020*. Semionova X. P. (ed.). Moscow: Buki Vedi, 2020, 186–192.]
- Ризаханова 2006 — Ризаханова М. Ш. *Гинухцы. XIX — начало XX в. Историко-этнографическое исследование*. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. [Rizakhanova M. Sh. *Ginukhtsy. XIX — nachalo XX v. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [The Hinukh. 19th and early 20th century: A study on history and ethnography]. Makhachkala: Institute of History, Archeology, and Ethnography, 2006.]
- Тисова 2020 — Тисова Д. С. Использование этнических языков в условиях доминирования лингва франка (на примере Махачкалы). *Социологические исследования*, 2020, 46(6): 114–121. [Tisova D. S. Ethnic language use under conditions of lingua franca domination: The case of Makhachkala. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020, 46(6): 114–121.]
- Allard, Landry 1986 — Allard R., Landry R. Subjective ethnolinguistic vitality viewed as a belief system. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 1986, 7: 1–12.
- Austin 2008 — Austin P. *One thousand languages: Living, endangered and lost*. Berkeley: Univ. of California Press, 2008.
- Bourhis et al. 1981 — Bourhis R. Y., Giles H., Rosenthal D. Notes on the construction of a “Subjective vitality questionnaire” for ethnolinguistic groups. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 1981, 2: 145–155.
- Bourhis et al. 2019 — Bourhis R. Y., Sachdev I., Ehala M., Giles H. Assessing 40 years of group vitality research and future directions. *Journal of Language and Social Psychology*, 2019, 38(4): 409–422.
- Brenzinger 2007 — Brenzinger M. Language endangerment throughout the world. *Language diversity endangered*. Brenzinger M. (ed.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2007, ix–xvii.
- Campbell 1994 — Campbell L. Language death. *The encyclopedia of language and linguistics*. Asher R. E. (ed.). Oxford: Pergamon Press, 1994, 1960–1968.
- Campbell 2017 — Campbell L. About the catalogue of the endangered languages. 2017. <http://endangered-languages.com/about/>.
- Comrie 2008 — Comrie B. Linguistic diversity in the Caucasus. *Annual Review of Anthropology*, 2008, 37(1): 131–143.
- Dobrushina 2013 — Dobrushina N. How to study multilingualism of the past: Investigating traditional contact situations in Daghestan. *Journal of Sociolinguistics*, 2013, 17(3): 376–393.
- Dobrushina et al. 2019 — Dobrushina N., Kozhukhar A., Moroz G. Gendered multilingualism in highland Daghestan: Story of a loss. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 2019, 40(2): 115–132.
- Dressler 1988 — Dressler W. U. Language death. *Language: The socio-cultural context*. Newmeyer F. J. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988, 184–192.
- Edwards 1992 — Edwards J. Sociopolitical aspects of language maintenance and loss. *Towards a typology of minority language situations. Maintenance and loss of minority languages*. Fase W., Jaspaert K., Kroon S. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1992, 37–54.
- Fishman 1991 — Fishman J. A. *Reversing language shift: Theory and practice of assistance to threatened languages*. Clevedon: Multilingual Matters, 1991.
- Fitzgerald 2017 — Fitzgerald C. M. Understanding language vitality and reclamation as resilience: A framework for language endangerment and “loss” (commentary on Mufwene). *Language*, 2017, 93(4): 280–298.
- Forker 2013 — Forker D. *A grammar of Hinuq*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013.
- Giles 1979 — Giles H. Ethnicity markers in speech. *Social markers in speech*. Scherer K. R., Giles H. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979, 251–290.
- Giles et al. 1977 — Giles H., Bourhis R. Y., Taylor D. M. Towards a theory of language in ethnic group relations. *Language, ethnicity and intergroup relations*. Giles H. (ed.). London: Academic Press, 1977, 307–348.
- Giles, Johnson 1981 — Giles H., Johnson P. The role of language in ethnic group relations. *Intergroup behaviour*. Turner J. C., Giles H. (eds.). Oxford: Blackwell, 1981, 199–243.

- Grenoble, Whaley 1998 — Grenoble L., Whaley L. *Endangered languages: Language loss and community response*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998.
- Hammarström et al. 2018 — Hammarström H., Castermans T., Forkel R., Verbeek K., Westenberg M. A., Speckmann B. Simultaneous visualization of language endangerment and language description. *Language Documentation & Conservation*, 2018, 12: 359–392.
- Kazakevich, Kibrik 2007 — Kazakevich O., Kibrik A. E. Language endangerment in the CIS. *Language diversity endangered*. Brenzinger M. (ed.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2007, 233–262.
- Krauss 1992 — Krauss M. The world's languages in crisis. *Language*, 1992, 68(1): 4–10.
- Krauss 2007 — Krauss M. Classification and terminology for degrees of language endangerment. *Language diversity endangered*. Brenzinger M. (ed.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2007, 1–8.
- Lee, Van Way 2018 — Lee N. H., Van Way J. R. The language endangerment index. *Cataloguing the world's endangered languages*. Campbell L., Belew A. (eds.). London: Routledge, 2018, 66–78.
- Lewis, Simons 2010 — Lewis M. P., Simons G. Assessing endangerment: Expanding Fishman's GIDS. *Revue Roumaine de Linguistique / Romanian Review of Linguistics*, 2010, 2(55): 103–120.
- McConnell 1996 — McConnell G. D. A model of language development and vitality. *Indian Journal of Applied Linguistics*, 1996, 22(1): 33–47.
- Moseley 2010 — Moseley C. (ed.). *Atlas of the world's languages in danger*. 3rd edn. Paris: UNESCO Publ., 2010.
- Nichols 1992 — Nichols J. *Linguistic diversity in space and time*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1992.
- Nichols 2015 — Nichols J. Types of spread zones: Open and closed, horizontal and vertical. *Language structure and environment. Social, cultural, and natural factors*. De Busser R., LaPolla R. J. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2015, 261–286.
- Norris 2010 — Norris M. J. Canada and Greenland. *Atlas of the world's languages in danger*. Moseley C. (ed.). Paris: UNESCO Publ., 2010.
- Polivanov et al. 2020 — Polivanov K., Kazakevich O., Serdobolskaya N., Khalilova Z., Budyanskaya E., Evstigneeva A., Mishchenkova K., Mordashova D., Pokrovskaya S., Renkovskaya E. The website “Minority languages of Russia”: Visualizing language data. *Proc. of the Linguistic Forum 2020: Language and Artificial Intelligence (Moscow, 2020)*. Solovyev V., Loukachevitch N., Lyashevskaya O. (eds.). E-publication, 2020. <http://ceur-ws.org/Vol-2852/paper10.pdf>.
- Roche 2017 — Roche G. Linguistic vitality, endangerment and resilience. *Language Documentation and Conservation*, 2017, 11: 190–223.
- Sasse 1992 — Sasse H.-J. Theory of language death. *Language death: Factual and theoretical explorations with special reference to East Africa*. Brenzinger M. (ed.). Berlin: Mouton De Gruyter, 1992.
- Smith et al. 2017 — Smith B. K., Ehala M., Giles H. Vitality theory. *Oxford research encyclopedia of communication*. Nussbaum J. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2017.
- Tajfel 1978 — Tajfel H. The psychological structure of intergroup relations. *Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations*. Tajfel H. (ed.). London: Academic Press, 1978, 27–100.
- UNESCO 2003 — UNESCO Ad Hoc Expert Group on Endangered Languages. *Language vitality and endangerment*. UNESCO, 2003. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000183699?posInSet=5&queryId=N-EXPLORE-55a6f322-253c-4a66-9110-febd547a3546>.
- UNESCO 2011 — UNESCO's Culture Sector. *UNESCO's Language Vitality and Endangerment Methodological Guideline: Review of Application and Feedback since 2003*. Background Paper for expert meeting “Towards UNESCO Guidelines on Language Policies: A Tool for Language Assessment and Planning” (30 May — 1 June 2011). 2011.